

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Разрешение споров, возникающих из вещных правоотношений

1. Иск о признании права отсутствующим на объект, не обладающий признаками недвижимой вещи, но права на который зарегистрированы как на недвижимость, является разновидностью негаторного иска. Исковая давность на такое требование не распространяется.

Территориальное управление Росимущества обратилось в суд с иском о признании отсутствующим права собственности общества на объект незавершенного строительства (благоустроенная площадка) степенью готовности 1,18%, ссылаясь на то, что право собственности на данный объект зарегистрировано как на недвижимость, тогда как он не обладает ее признаками.

Отказывая в удовлетворении заявленного требования, суд первой инстанции пришел к выводу об избрании территориальным управлением Росимущества ненадлежащего способа защиты, поскольку оно не владеет спорным объектом, а с иском о признании права собственности ответчика отсутствующим может обратиться только лицо, фактически владеющее имуществом. Самостоятельным основанием для отказа в иске суд признал также истечение исковой давности, о применении которой заявил ответчик.

Суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа поддержали выводы суда первой инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты судов нижестоящих инстанций и признала отсутствующим право собственности общества по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 21 июля 1997 г. N 122-ФЗ "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним" (далее - Закон о регистрации) государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним - юридический акт признания и подтверждения государством возникновения, ограничения (обременения), перехода или прекращения прав на недвижимое имущество в соответствии с ГК РФ.

Зарегистрированное право на недвижимое имущество может быть оспорено только в судебном порядке.

В п. 52 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. N 10/22 "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав" (далее - Постановление N 10/22) указано, что в случаях, когда запись в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее - ЕГРП) нарушает право истца, которое не может быть защищено путем признания права или истребования имущества из чужого незаконного владения (право собственности на один и тот же объект недвижимости зарегистрировано за разными лицами, право собственности на движимое имущество зарегистрировано как на недвижимое имущество, ипотека или иное обременение прекратились), оспаривание зарегистрированного права или обременения может быть осуществлено путем предъявления иска о признании права или обременения отсутствующими.

Целью заявленного по делу требования является оспаривание права собственности ответчика, зарегистрированного на спорный объект как на недвижимое имущество, тогда как он, по мнению истца, является движимым имуществом.

Из содержания п. 1 ст. 130 ГК РФ и п. 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" (далее - постановление N 25) следует, что при разрешении вопроса о признании вещи недвижимостью, независимо от осуществления государственной регистрации права собственности на нее, следует устанавливать наличие у нее признаков, способных относить ее в силу природных свойств или на основании закона к недвижимым объектам.

Спор по настоящему делу возник в отношении вещи - объекта незавершенного строительства, которым является благоустроенная площадка со степенью готовности 1,18%.

Возможность признания объекта незавершенного строительства недвижимостью была также разъяснена в п. 38 постановления N 25, согласно которому при разрешении вопроса о признании правомерно строящегося объекта недвижимой вещью (объектом незавершенного строительства) необходимо установить, что на нем, по крайней мере, полностью завершены работы по сооружению фундамента или аналогичные им работы (п. 1 ст. 130 ГК РФ). При этом замощение земельного участка, не отвечающее признакам сооружения, является его частью и не может быть признано самостоятельной недвижимой вещью (п. 1 ст. 133 ГК РФ).

Из исследованных судами по делу документов, в том числе акта о государственной регистрации права собственности на объект незавершенного строительства (благоустроенная площадка) с указанием степени готовности объекта 1,18%, исходя из конструктивных элементов, приведенных судами при его описании (щебень, асфальтовое покрытие), спорный объект ввиду отсутствия неразрывной связи с землей следует признать замощением земельного участка, которое является его частью и согласно п. 38 постановления N 25 не может быть признано самостоятельной недвижимой вещью.

Судебная коллегия также не может согласиться с выводами судов о том, что государственная регистрация права собственности общества на спорный объект, не относящийся к недвижимому имуществу, не нарушает прав и законных интересов управления.

Наличие в ЕГРП записи о праве собственности ответчика на недвижимое имущество накладывает на собственника соответствующего земельного участка, на котором оно находится, определенные ограничения, обусловленные распространением на этот объект правового режима, установленного действующим законодательством для недвижимого имущества, в том числе по предоставлению под таким объектом земельного участка в пользование или в собственность в соответствии со ст. 36 ЗК РФ.

Кроме того, поскольку спорный объект, права на который в ЕГРП зарегистрированы как на недвижимость, не обладает соответствующими признаками недвижимой вещи, сам факт государственной регистрации права собственности ответчика на такое имущество нарушает права собственника земельного участка, поскольку значительно ограничивает возможность реализации последним имеющихся у него правомочий.

Нарушенное право может быть восстановлено путем исключения из реестра записи о праве собственности ответчика на объект.

Таким образом, поскольку спорный объект является замощением, то есть частью земельного участка, имеющего своего собственника, без согласия которого оно было размещено и права которого нарушаются оспариваемой государственной регистрацией, в подобной ситуации заявленное по делу требование следует считать разновидностью негаторного иска.

В соответствии со ст. 208 ГК РФ на требования собственника или иного владельца об устранении всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения не были соединены с лишением владения (ст. 304 ГК РФ), исковая давность не распространяется.

В п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. N 43 "О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности" указано, что исковая давность не распространяется на требования, прямо предусмотренные ГК РФ. К их числу относятся требования собственника или иного владельца об устранении всяких нарушений его права, если эти нарушения не были соединены с лишением владения, в том числе требования о признании права (обременения) отсутствующим.

На основании изложенного искомая давность на требование о признании права отсутствующим не распространяется.

Судебная коллегия также полагает, что иной подход по применению исковой давности по указанному требованию не обеспечивает достоверность и публичность государственного реестра, не способствует должной защите прав участников гражданского оборота и восстановлению их нарушенных прав в отношении объектов недвижимости (п. 1 ст. 8.1 ГК РФ).

Определение N 303-ЭС15-5520

2. Решение об изъятии земельного участка для государственных (муниципальных) нужд

может быть принято только в исключительных случаях для достижения общественно-полезных целей, реализация которых невозможна без вмешательства органов государственной власти или местного самоуправления в частные интересы.

Заключение договора о развитии застроенной территории не является достаточным основанием для изъятия земельных участков для государственных (муниципальных) нужд.

Индивидуальный предприниматель и ряд обществ (далее - заявители) являются собственниками земельных участков и расположенных на них объектов недвижимости (нежилых помещений).

Постановлением администрации муниципального образования принято решение об изъятии в том числе принадлежащих заявителям земельных участков путем их выкупа в установленном законом порядке за счет средств компании, с которой администрацией заключен договор о развитии застроенной территории в целях реализации муниципальной адресной программы.

Ссылаясь на то, что данное постановление администрации противоречит нормам действующего законодательства, заявители обратились в арбитражный суд с заявлением о признании его недействительным.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд первой инстанции руководствовался подп. 3 п. 1 ст. 49 Земельного Кодекса Российской Федерации (далее - ЗК РФ) и ст. 46.1 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее - ГрК РФ) и исходил из того, что постановление администрации принято в пределах ее полномочий и при наличии правовых оснований для изъятия земельных участков для муниципальных нужд в рамках реализации муниципальной адресной программы по развитию застроенной территории.

Арбитражный суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа поддержали выводы суда первой инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты судов нижестоящих инстанций и отправила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В силу подп. 3 п. 3 ст. 235, п. 1. ст. 279 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ, в редакции, действовавшей на момент принятия оспариваемого постановления - 2013 год) допускается принудительное изъятие земельного участка у собственника для государственных или муниципальных нужд путем его выкупа.

При этом под государственными или муниципальными нуждами понимаются потребности публично-правового образования, удовлетворение которых направлено на достижение интересов общества (общественно полезных целей), осуществить которые невозможно без изъятия имущества, находящегося в частной собственности. Соответственно, принудительное изъятие не может производиться только или преимущественно в целях получения выгоды другими частными субъектами, деятельность которых лишь опосредованно служит интересам общества.

В данном споре в качестве обстоятельства, указывающего на наличие публичных нужд, требующих изъятия земельных участков у заявителей, суды признали сам факт принятия администрацией постановления о развитии застроенной территории и заключения с компанией договора о развитии застроенной территории.

Между тем, из норм ГрК РФ с учетом положений ст. 35 Конституции Российской Федерации, ст. 235, 279 ГК РФ и ст. 49 ЗК РФ (в редакции, действовавшей на момент принятия оспариваемого постановления) не вытекает, что эти обстоятельства влекут безусловное принудительное изъятие имущества, находящегося в частной собственности, для государственных или муниципальных нужд.

По смыслу ч. 3 ст. 46.1 ГрК РФ, само по себе заключение договора о развитии застроенной территории не является основанием для изъятия земельных участков, поскольку такой договор только регламентирует порядок реализации решения о развитии территории, принятого администрацией, в то время как возможность изъятия земельного участка у собственника обусловлена наличием государственных или муниципальных нужд.

Судами не установлено, что генеральным планом развития города предусмотрено строительство объектов муниципального значения на территории изымаемых земельных участков.

Суды не проверили и не опровергли довод заявителя о том, что на земельном участке,

находящемся в собственности индивидуального предпринимателя, на котором имеется принадлежащий ему объект недвижимости, предполагается размещение другого административного здания, которое по окончании строительства должно перейти в собственность компании, являющейся застройщиком данной территории, то есть также станет частной собственностью.

Таким образом, суды, не установив наличие правовых оснований для изъятия земельных участков, находящихся в частной собственности, имеющийся при этом публичный интерес, а также соразмерность вмешательства муниципальных органов в частные интересы для достижения публичных целей, не обеспечили тем самым необходимый баланс интересов и нарушили имущественные права, гарантированные ст. 35 Конституции Российской Федерации, что привело к неправильному разрешению дела.

Определение N 309-КГ15-5924

3. Наложение ареста на земельный участок не влечет ограничения права собственника на судебную защиту, в том числе права на установление границ земельного участка.

Обществу на праве собственности принадлежит земельный участок, граница которого не установлена в соответствии с требованиями действующего законодательства, его площадь является ориентировочной.

Постановлением администрации муниципального образования утверждена схема расположения другого земельного участка из земель государственной неразграниченной собственности. Данный земельный участок поставлен на кадастровый учет и предоставлен в аренду компании.

Полагая, что предоставленный в аренду компании земельный участок незаконно сформирован и его границы имеют наложение на земельный участок, принадлежащий обществу, последнее обратилось в арбитражный суд с иском к администрации муниципального образования, компании и кадастровой палате об установлении границ принадлежащего ему земельного участка, о признании недействительным постановления администрации об утверждении схемы расположения земельного участка из земель государственной неразграниченной собственности, о признании незаконными действий кадастровой палаты по постановке на кадастровый учет земельного участка из земель государственной неразграниченной собственности и обязанности произвести действия по снятию с кадастрового учета данного земельного участка, о признании ничтожным договора аренды земельного участка из земель государственной неразграниченной собственности, заключенного с компанией.

Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены частично.

Суд установил границы части земельного участка по указанным в резолютивной части решения координатам, признал недействительным постановление администрации, признал недействительными действия кадастровой палаты по постановке на кадастровый учет земельного участка и обязал кадастровую палату снять с кадастрового учета данный земельный участок, признал недействительным договор аренды земельного участка и применил последствия недействительности сделки в виде исключения из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее - ЕГРП) соответствующих записей (сведений).

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда отменено, в удовлетворении заявленных требований отказано. При этом суды исходили из того, что оспариваемые постановление и договор аренды земельного участка не нарушают прав общества, поскольку факт наложения земельного участка из земель государственной неразграниченной собственности на земельный участок, принадлежащий заявителю на праве собственности, не нашел своего подтверждения, так как границы земельного участка, принадлежащего заявителю, в установленном законом порядке не установлены и не внесены в кадастр, доказательств составления межевого плана в установленном законом порядке и согласования его со всеми смежными землепользователями (или невозможности согласования) в материалы дела не представлено.

Суды отказали в удовлетворении требования общества об установлении границ части

принадлежащего ему земельного участка, исходя из того, что на указанный земельный участок решением суда по уголовному делу наложен арест, в связи с чем проведение кадастровых работ и изменение уникальных характеристик невозможно. Право на уточнение границ земельного участка предоставлено исключительно лицам, имеющим полномочия по распоряжению земельным участком.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и отправила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 45 Федерального закона от 24 июля 2007 г. N 221-ФЗ "О государственном кадастре недвижимости" (далее - Закон о кадастре) государственный кадастровый учет или государственный учет объектов недвижимости, в том числе технический учет, осуществленный в установленном законодательством порядке до дня вступления в силу настоящего Федерального закона или в переходный период его применения с учетом определенных ст. 43 настоящего Федерального закона особенностей, признается юридически действительным, и такие объекты считаются объектами недвижимости, учтенными в соответствии с настоящим Федеральным законом (далее - ранее учтенные объекты недвижимости). При этом объекты недвижимости, государственный кадастровый учет или государственный учет, в том числе технический учет, которых не осуществлен, но права на которые зарегистрированы и не прекращены и которым присвоены органом, осуществляющим государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, условные номера в порядке, установленном в соответствии с Федеральным законом "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним" (далее - объекты недвижимости с условными номерами), также считаются ранее учтенными объектами недвижимости.

Земельный участок, принадлежащий обществу, является ранее учтенным объектом недвижимости, права на который подлежат судебной защите в полном объеме способами, предусмотренными ст. 12 ГК РФ.

Из разъяснений, содержащихся в пп. 52, 53, 56 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. N 10/22 "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав", следует, что требование, направленное на оспаривание правомерности установления границы либо в целом кадастрового учета смежного (пересекающегося) участка, должно рассматриваться в исковом порядке.

Наложение ареста на земельный участок не может рассматриваться как лишение права на судебную защиту собственника имущества, устанавливая ограничения как в возможности судебной защиты нарушенного права, так и в выборе способов такой защиты.

Необходимость в установлении границ части земельного участка, принадлежащего обществу, возникла в результате действий ответчиков по формированию земельного участка из земель государственной неразграниченной собственности, постановки на кадастровой учет и сдачи его в аренду компании с целью защиты зарегистрированного в установленном порядке права собственности общества.

По смыслу Закона о кадастре, установление в судебном порядке описания границ посредством определения координат характерных точек таких границ не приводит к изменению уникальных характеристик земельного участка. Суд не изменяет ни качественных, ни количественных характеристик участка правообладателя, а приводит существующий объем прав в соответствие с действующим земельным законодательством.

Определение N 305-КГ15-7535

Разрешение споров, вытекающих
из обязательственных отношений

4. Стороны вправе предусмотреть в договоре аренды сумму компенсации, которая должна быть выплачена одной из сторон при немотивированном одностороннем отказе от исполнения

договора.

Арендатор обратился в суд с иском к арендодателю о признании недействительным пункта договора, предусматривающего удержание арендодателем в полном объеме суммы задатка в качестве штрафа в случае досрочного расторжения арендатором договора аренды.

Суд первой инстанции, руководствуясь положениями п. 3 ст. 450, ст. 330 ГК РФ, удовлетворил заявленные требования в связи с тем, что установление в договоре штрафа за односторонний отказ от исполнения договора противоречит правовой природе неустойки как меры ответственности, применяемой за нарушение гражданских прав. Поскольку досрочное расторжение договора в одностороннем порядке не является гражданско-правовым нарушением (ненадлежащим исполнением обязательств), а обусловлено реализацией арендатором права, предоставленного договором, суды признали соответствующее условие договора противоречащим нормам гражданского законодательства.

Суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа поддержали выводы суда первой инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты судов нижестоящих инстанций и отказала в удовлетворении иска по следующим основаниям.

Положения ст. 619, 620 ГК РФ не содержат запрета на досрочное расторжение договора аренды по иным основаниям, не предусмотренным в данных правовых нормах, в связи с чем стороны при заключении договора вправе установить основания для досрочного расторжения договора и условия такого расторжения. В частности, право на односторонний отказ от исполнения обязательства, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, может быть обусловлено по соглашению сторон необходимостью выплаты определенной денежной суммы другой стороне обязательства.

Оспариваемым пунктом договора предусмотрена возможность расторжения договора до истечения срока его действия в одностороннем порядке по любым другим основаниям, кроме прямо указанных в договоре, однако условием такого расторжения является для арендатора - удержание арендодателем задатка, для арендодателя - уплата задатка в двойном размере.

В соответствии со ст. 329 ГК РФ исполнение обязательств может обеспечиваться неустойкой, залогом, удержанием имущества должника, поручительством, банковской гарантией, задатком и другими способами, предусмотренными законом или договором.

В данном случае задаток вносился и удерживался арендодателем в качестве гарантии надлежащего выполнения арендатором обязательств по договору, что не противоречит положениям указанной правовой нормы.

Таким образом, сторонами определен порядок расторжения договора, которым предусмотрено особое условие для досрочного немотивированного расторжения договора в одностороннем порядке, что не противоречит положениям ст. 329, 421 ГК РФ.

Поскольку удержание задатка арендодателем не связано с нарушением сторонами договорных обязательств, а при наличии определенных обстоятельств является условием для расторжения договора, квалификация судами суммы задатка в качестве неустойки основана на ошибочном толковании норм права.

В данном случае стороны при заключении договора определили сумму компенсации, которая должна быть выплачена одной из сторон при отказе от договора.

То, что такая компенсация поименована в договоре штрафом, не изменяет ее сути, которая состоит не в привлечении к ответственности стороны, решившей досрочно отказаться от договора, а, напротив, предоставляет возможность расторжения договора без объяснения причин любой из сторон.

Поскольку ГК РФ допускает любые предусмотренные законом или договором способы обеспечения обязательств, отсутствуют основания для признания недействительным оспариваемого пункта договора в части условия, предусматривающего право арендодателя удерживать задаток в качестве штрафа за досрочное расторжение договора, направленного на обеспечение исполнения арендатором условий договора и гарантирующего законные интересы арендодателя при его исполнении.

5. Условие договора подряда об обязанности подрядчика уплатить заказчику неустойку в случае выполнения работ с недостатками наряду с исполнением обязанности по безвозмездному устранению этих недостатков является действительным.

Компания обратилась в суд с иском к обществу о взыскании установленной договором подряда неустойки в виде штрафа за невозможность эксплуатации оборудования в гарантийный срок по причине нарушения требований качества при выполнении работ.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требования, исходя из того, что договором за одно и то же нарушение (невозможность нормальной эксплуатации объекта в течение гарантийного срока) установлено два вида ответственности: устранение недостатков за счет подрядчика и штраф. При этом не конкретизировано, в каких случаях применяется тот или иной вид ответственности. Подрядчик недостатки устранил, то есть исполнил перед заказчиком свои обязательства в части ответственности по договору, а применение двойной меры ответственности за одно и то же нарушение противоречит принципам гражданского законодательства.

Суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа поддержали правовую позицию суда первой инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты судов нижестоящих инстанций и отправила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Так, согласно п. 1 ст. 721 ГК РФ качество выполненной подрядчиком работы должно соответствовать условиям договора подряда. Результат выполненной работы должен в момент передачи заказчику обладать свойствами, указанными в договоре или определенными обычно предъявляемыми требованиями, и в пределах разумного срока быть пригодным для установленного договором использования.

Из п. 1 ст. 722, пп. 3, 5 ст. 724 ГК РФ следует, что, если договором подряда для результата работы предусмотрен гарантийный срок, результат работы должен в течение всего гарантийного срока соответствовать условиям договора о качестве. Заказчик вправе предъявить требования, связанные с недостатками результата работы, обнаруженными в течение гарантийного срока, который начинает течь с момента, когда результат выполненной работы был принят или должен был быть принят заказчиком (если иное не предусмотрено договором).

Последствия выполнения работ с недостатками установлены в ст. 723 ГК РФ. Так, из п. 1 этой статьи следует, что стороны вправе установить в договоре меры воздействия на подрядчика, выполнившего работу некачественно. По общему же правилу в случае выполнения подрядчиком работы с недостатками, которые делают результат непригодным для использования, заказчик вправе по своему выбору потребовать от подрядчика либо безвозмездного устранения недостатков в разумный срок, либо соразмерного уменьшения установленной за работу цены, либо возмещения своих расходов на устранение недостатков, когда право заказчика устранять их предусмотрено в договоре подряда. Согласно п. 3 этой же статьи, если недостатки результата работы существенны или неустранимы, заказчик вправе отказаться от исполнения договора и потребовать возмещения причиненных убытков.

Подрядчик вправе вместо устранения недостатков, за которые он отвечает, безвозмездно выполнить работу заново с возмещением заказчику причиненных просрочкой исполнения убытков (п. 2 ст. 723 ГК РФ).

Таким образом, указанные нормы регулируют обязательства сторон по качеству исполнения подрядных работ и гарантируют заказчику соответствие результата его обоснованным ожиданиям как одну из целей договора подряда.

В то же время заказчик после принятия результата работ вправе рассчитывать на бесперебойное использование этого результата как минимум на протяжении гарантийного срока при надлежащем пользовании вещью. Подрядчик гарантирует заказчику возможность такого использования. Недостаток качества подлежит устранению по правилам ст. 723 ГК РФ, но неиспользование заказчиком результата работ в период, когда он правомерно рассчитывал на такую возможность, по ст. 723 ГК РФ не компенсируется.

При ненадлежащем исполнении подрядных обязательств заказчик вправе требовать от подрядчика возмещения убытков, вызванных простоем. Такие убытки могут быть выражены в неустойке, установленной договором (п. 2 ст. 1, ст. 330, п. 4 ст. 421 ГК РФ).

Процессуальные вопросы

6. Если требования о компенсации вреда, причиненного окружающей среде юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями при осуществлении ими хозяйственной деятельности, вытекают из экономических отношений данных субъектов, то они подлежат рассмотрению в арбитражном суде.

Уполномоченный орган обратился с иском к обществу о взыскании вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и постановлением арбитражного суда округа, производство по делу прекращено на основании п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, поскольку данный спор неподведомствен арбитражному суду, а подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции независимо от субъектного состава участвующих в деле лиц.

При этом суды руководствовались п. 1 ч. 1, ч. 3 ст. 22 ГПК РФ, чч. 1 и 2 ст. 27, ст. 28, п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ с учетом разъяснений, содержащихся в п. 30 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. N 21 "О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования" (далее - постановление N 21), и исходили из того, что предметом спора по данному делу является возмещение вреда, причиненного лесным ресурсам как объекту охраны окружающей среды вследствие нарушения природоохранного законодательства, а имущественные отношения участников гражданского оборота, возникающие в ходе осуществления этими лицами предпринимательской деятельности, предметом заявленных требований по делам данной категории не являются.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты судов нижестоящих инстанций и отправила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Статьей 3 Федерального закона от 10 января 2002 г. N 7-ФЗ "Об охране окружающей среды" (далее - Закон об охране окружающей среды) установлены принципы, в том числе презумпции экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности и допустимости воздействия такой деятельности на природную среду исходя из требований в области охраны окружающей среды.

Виды хозяйственной деятельности, оказывающие прямое или косвенное негативное воздействие на окружающую среду, осуществляются в соответствии с требованиями в области охраны окружающей среды.

Деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и складывающиеся в процессе ее осуществления экономические отношения должны включать в себя в том числе и мероприятия по охране окружающей среды, восстановлению природной среды, рациональному использованию и воспроизводству природных ресурсов, обеспечению экологической безопасности.

Согласно п. 1 ст. 77 Закона об охране окружающей среды, если вследствие нарушения требований в области охраны окружающей среды ей причинен вред, то юридические и физические лица обязаны возместить указанный вред в полном объеме в соответствии с законодательством.

Вред окружающей среде, причиненный нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, может быть возмещен на основании решения суда или арбитражного суда (п. 1 ст. 78 Закона об охране окружающей среды).

Требования об ограничении, о приостановлении или о прекращении деятельности юридических и физических лиц, осуществляемой с нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, также рассматриваются судом или арбитражным судом (ст. 80 Закона об охране окружающей среды).

Таким образом, Закон об охране окружающей среды исходит из того, что споры, возникающие в данной сфере, разрешаются как судами общей юрисдикции, так и арбитражными

судами в соответствии с общими правилами о подведомственности, установленными процессуальным законодательством.

В соответствии с п. 1 ст. 27 АПК РФ арбитражному суду подведомственны дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2015), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 4 марта 2015 г. (вопрос N 9), сформулирована правовая позиция о том, что процессуальное законодательство разграничивает предметную компетенцию судов и арбитражных судов по критериям субъектного состава процесса и участия в предпринимательской или иной экономической деятельности. Если требования о компенсации вреда, причиненного окружающей среде юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями при осуществлении ими видов хозяйственной деятельности, в том числе перечисленных в п. 1 ст. 34 Закона об охране окружающей среды, вытекают из экономических отношений данных субъектов, указанные требования в силу установленных процессуальным законодательством правил распределения юрисдикционных полномочий судов подлежат рассмотрению в арбитражном суде. Если вред окружающей среде причинен перечисленными субъектами не в связи с осуществлением ими хозяйственной деятельности, то требования о его возмещении подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции.

Таким образом, п. 30 Постановления N 21 должен толковаться во взаимосвязи с правовой позицией, изложенной в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2015 г.

Установив, что причинение вреда лесам было осуществлено обществом в ходе выполнения работ по ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов, то есть в процессе его хозяйственной деятельности, Судебная коллегия пришла к выводу, что данный спор связан с осуществлением предпринимательской деятельности и подведомственен арбитражному суду.

Определение N 306-ЭС15-10433

7. Физическое лицо, не имеющее статус индивидуального предпринимателя и являющееся потерпевшим в деле об административном правонарушении, вправе обжаловать решение административного органа об отказе в привлечении юридического лица или индивидуального предпринимателя к административной ответственности в арбитражный суд.

Физическое лицо обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным и отмене решения Управления Роспотребнадзора об отказе в возбуждении дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 14.1 и 14.8 КоАП РФ, в отношении общества.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и постановлением арбитражного суда округа, производство по делу прекращено со ссылкой на п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ в связи с неподведомственностью дела арбитражному суду. Суды руководствовались положениями ст. 27, 29 и 33 АПК РФ и исходили из того, что лицо, подавшее жалобу, не являлось индивидуальным предпринимателем на момент обращения в арбитражный суд, его требования не носят экономического характера и не связаны с осуществлением им предпринимательской деятельности.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты судов нижестоящих инстанций и отправила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В силу чч. 3 и 4 ст. 30.1 КоАП РФ определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, совершенном юридическим лицом или лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, обжалуется в арбитражный суд в соответствии с арбитражным процессуальным законодательством.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 19.2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. N 10 "О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях"

(далее - постановление N 10), порядок рассмотрения дел об оспаривании определений об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении определяется, как и для дел об оспаривании постановлений о назначении административного наказания, исходя из положений ст. 207 АПК РФ.

В силу ч. 2 ст. 207 АПК РФ производство по делам об оспаривании решений административных органов возбуждается на основании заявлений юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, привлеченных к административной ответственности в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности, а также на основании заявлений потерпевших.

Частью 1 ст. 30.1 КоАП РФ право на обжалование постановления по делу об административном правонарушении предоставлено лицу, в отношении которого вынесено постановление, потерпевшему, законными представителями этих лиц, а также защитникам и представителям названных выше лиц.

В соответствии с ч. 1 ст. 25.2 КоАП РФ потерпевшим является физическое лицо или юридическое лицо, которым административным правонарушением причинен физический, имущественный или моральный вред.

Согласно п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. N 5 "О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" право потерпевшего на участие в деле об административном правонарушении должно быть обеспечено независимо от того, является ли наступление последствий признаком состава административного правонарушения.

Физическое лицо, являясь лицом, обратившимся в Управление Роспотребнадзора с указанием на нарушение обществом его прав и на наличие в действиях юридического лица событий административных правонарушений, наделено в силу ст. 25.2 КоАП РФ правами потерпевшего, в том числе в соответствии с ч. 1 ст. 30.12 КоАП РФ и ч. 2 ст. 207 АПК РФ правом обжалования состоявшихся по делу решений, независимо от наличия (отсутствия) статуса индивидуального предпринимателя и экономической основы характера данного спора.

Подведомственность таких споров не ставится в зависимость от статуса потерпевшего, а определяется компетенцией арбитражного суда по рассмотрению заявлений об оспаривании решения административного органа по вопросу о привлечении (отказе в привлечении) лица к административной ответственности либо заявлений соответствующего органа о привлечении лица к административной ответственности.

При этом применительно к разъяснениям, содержащимся в п. 23 постановления N 10, дело об оспаривании решения, вынесенного вышестоящим органом, должностным лицом по жалобе на постановление (определение) по делу об административном правонарушении, подлежит рассмотрению судом исходя из подсудности дела об обжаловании указанного постановления (определения), поскольку при рассмотрении соответствующего заявления арбитражным судом оценивается также и само постановление (определение).

Порядок рассмотрения указанных дел определяется параграфом 2 гл. 25 АПК РФ.

Таким образом, выводы судебных инстанций о неподведомственности данного дела арбитражному суду свидетельствуют о нарушении права лица на судебную защиту - проверку законности вынесенных должностными лицами актов по делу об административном правонарушении.

Определение N 309-АД15-6092

8. Ликвидация должника, признанного банкротом, не является препятствием для рассмотрения требования о привлечении его бывшего руководителя к субсидиарной ответственности.

В рамках дела о банкротстве конкурсный кредитор обратился в суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности руководителя общества по обязательствам должника, возникшим после истечения месяца со дня возникновения обстоятельств, свидетельствующих о признаках неплатежеспособности.

Определением суда первой инстанции в удовлетворении заявленного требования отказано.

Не согласившись с определением суда первой инстанции, конкурсный кредитор обратился в апелляционный суд с жалобой на данное определение.

Определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, производство по апелляционной жалобе прекращено в связи с ликвидацией должника. Суды пришли к выводу, что рассмотрение апелляционной жалобы относительно законности судебного акта, принятого в рамках дела о банкротстве организации, прекратившей свое существование, невозможно.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила определение суда апелляционной инстанции и постановление арбитражного суда округа и отправила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Каждый участник гражданского оборота, заключающий сделки с определенным юридическим лицом, имеет намерение получить соответствующий результат, что возможно лишь при платежеспособности этого юридического лица. Исчерпывающей информацией о финансовом (имущественном) положении юридического лица обладает его руководитель как единоличный исполнительный орган. Он же должен действовать разумно и добросовестно, в том числе в отношении контрагентов должника.

Существенная и явная диспропорция между обязательствами и активами по сути несостоятельного должника и неосведомленность об этом кредиторов нарушают права последних. В связи с этим для защиты имущественных интересов кредиторов должника введено правовое регулирование своевременного информирования руководителем юридического лица его кредиторов о неплатежеспособности (недостаточности имущества) должника.

Невыполнение руководителем требований закона об обращении в арбитражный суд с заявлением должника при наступлении обстоятельств, указанных в п. 1 ст. 9 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" (далее - Закон о банкротстве), влечет неразумное и недобросовестное принятие дополнительных долговых обязательств в ситуации, когда не могут быть исполнены существующие, заведомую невозможность удовлетворения требований новых кредиторов и, как следствие, убытки для них. В этом случае одним из правовых механизмов, обеспечивающих удовлетворение требований таких кредиторов при недостаточности конкурсной массы, является возможность привлечения руководителя должника к субсидиарной ответственности по обязательствам должника в соответствии с п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве.

Субсидиарная ответственность руководителя по долгам возглавляемой им организации возникает вследствие причинения вреда кредиторам. При этом завершение конкурсного производства само по себе не влечет материальные последствия в виде освобождения руководителя от ответственности, поскольку в силу закона требование к нему подлежит продаже на торгах.

В соответствии с ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Право на судебную защиту и доступ к правосудию относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод, оно признается и гарантируется согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ст. 17 и 18; чч. 1 и 2 ст. 46, ст. 52 Конституции Российской Федерации).

Содержание права на судебную защиту раскрыто в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации, сформулировавшего правовые позиции, согласно которым отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с требованием эффективного восстановления в правах посредством правосудия; в рамках осуществления судебной защиты прав возможно обжалование в суд решений и действий судебных органов; право на справедливое разбирательство дела судом предполагает окончательность и стабильность судебных актов, вступивших в законную силу, и их исполнение; право на судебную защиту подразумевает создание условий для эффективного и справедливого разбирательства дела в суде первой инстанции, допущенные же судом первой инстанции ошибки должны исправляться судом второй инстанции в процедурах, наиболее приближенных к производству в суде первой

инстанции (постановления от 3 февраля 1998 г. N 5-П, от 2 июля 1998 г. N 20-П, от 6 июля 1998 г. N 21-П, от 17 ноября 2005 г. N 11-П, от 5 февраля 2007 г. N 2-П).

Процессуальные нормы регулируют порядок защиты материальных прав и конкретизируют конституционные принципы. Так, в частности, сторонам спора предоставлено право обжалования определения, вынесенного по результатам рассмотрения заявления о привлечении руководителя должника к субсидиарной ответственности (п. 7 ст. 10 Закона о банкротстве, ст. 188 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее - АПК РФ)).

Прекращение апелляционным судом производства по жалобе в связи с ликвидацией должника делает невозможным пересмотр определения суда первой инстанции, чем нарушаются права сторон спора на судебную защиту.

В силу изложенного, а также в силу ст. 7, 8 АПК РФ следует, что как кредитор, так и руководитель должника вправе обжаловать определение суда первой инстанции и получить судебную защиту посредством рассмотрения апелляционной жалобы по существу вне зависимости от ликвидации должника в связи с его банкротством.

Из п. 5 ч. 1 ст. 150 АПК РФ следует, что прекращение производства по делу возможно в случаях объективной невозможности его рассмотрения (в частности, в связи с ликвидацией ответчика как стороны спора). Разъяснения, данные в п. 48 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. N 29 "О некоторых вопросах практики применения Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", также исходят из того, что рассматривать какие-либо требования к должнику как к стороне спора после его ликвидации невозможно ввиду отсутствия одной из сторон спора. В то же время после ликвидации должника истец и ответчик по обособленному спору о привлечении к субсидиарной ответственности руководителя должника продолжают существовать. Следовательно, п. 5 ч. 1 ст. 150 АПК РФ не препятствует арбитражному суду апелляционной инстанции рассмотреть спор по существу и вынести решение по жалобе кредитора на определение арбитражного суда первой инстанции, которым конкурсному кредитору отказано в удовлетворении его требований.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 12 октября 2015 N 25-П, рассмотрев дело о проверке конституционности п. 5 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, пришел к выводу об отсутствии препятствий для пересмотра в апелляционном порядке судебного акта первой инстанции, принятого в деле о банкротстве, если прекращением производства могут быть нарушены права стороны спора на судебную защиту.

В соответствии с ч. 3 ст. 44 АПК РФ ответчиками признаются организации и граждане, к которым предъявлен иск, то есть лица, по мнению истца, нарушившие его права и законные интересы. Обстоятельств, связанных с утратой бывшим руководителем должника правоспособности, делавших бы невозможным его участие в суде в качестве ответчика, как и прочих объективных препятствий для рассмотрения жалобы, арбитражный апелляционный суд не установил, следовательно, суд не был лишен возможности принять решение по существу спора.

Прекращение производства по жалобе конкурсного кредитора лишило его возможности обжалования в обычном порядке судебного акта, принятого судом первой инстанции, и является, по сути, отказом в праве на судебную защиту, что недопустимо.

Вопреки доводам представителя руководителя должника, ссылавшегося на отсутствие какого-либо механизма исполнения судебного акта в случае удовлетворения требования кредитора после завершения конкурсного производства, законодательство о банкротстве не ограничивает возможности кредиторов по удовлетворению своих требований и после завершения конкурсного производства (п. 11 ст. 142 Закона о банкротстве). Кроме того, исполнимость судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности руководителя при ликвидации должника может быть достигнута посредством возобновления дела о банкротстве после пересмотра определения о завершении конкурсного производства по правилам гл. 37 АПК РФ.

Определение N 307-ЭС15-5270

9. Само по себе принятие судебным приставом-исполнителем постановления об обращении взыскания на имущество на имущество управляющей организации на получение денежных средств,

поступающих от собственников помещений платежному агенту, не противоречит действующему законодательству.

Расчетный центр (платежный агент) на основании договора, заключенного с управляющей организацией, осуществлял деятельность по начислению и получению платы за коммунальные услуги, предоставленные собственникам помещений в многоквартирных домах, обслуживаемых управляющей организацией.

Службой судебных приставов возбуждено исполнительное производство о принудительном исполнении судебных актов о взыскании с управляющей компании денежных средств в пользу ресурсоснабжающей организации, осуществлявшей поставку коммунального ресурса в названные многоквартирные дома.

Получив сведения об отсутствии у управляющей организации денежных средств на расчетных счетах в банках и имущества, на которое можно обратить взыскание, судебный пристав-исполнитель вынес постановление об обращении взыскания на имущественное право должника - право получения денежных средств по договору, заключенному с расчетным центром. Расчетный центр, согласно указанному постановлению, должен был перечислять часть денежных средств, причитающихся управляющей организации, на расчетный счет службы судебных приставов до погашения задолженности.

Ссылаясь на то, что в результате неисполнения расчетным центром указанного постановления судебного пристава-исполнителя ресурсоснабжающей организации причинены убытки, возможность взыскания которых с управляющей организации утрачена, ресурсоснабжающая организация обратилась в суд с иском к расчетному центру о взыскании убытков.

В определении по данному делу Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации указала следующее.

В целях надлежащего исполнения возбужденного исполнительного производства ст. 68 Федерального закона от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ "Об исполнительном производстве" (далее - Закон об исполнительном производстве) предусмотрены меры принудительного исполнения, совершаемые судебным приставом-исполнителем в целях получения с должника имущества, в том числе денежных средств, подлежащего взысканию по исполнительному документу.

Одной из таких мер в соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 68 Закона об исполнительном производстве является обращение взыскания на имущественные права должника, в том числе на право получения платежей по исполнительному производству, в котором он выступает в качестве взыскателя, на право получения платежей по найму, аренде, а также на предусмотренные в этом пункте исключительные права, принадлежащие должнику.

При принятии постановления об обращении взыскания на имущественные права управляющей компании - право получения денежных средств по договору, заключенному с расчетным центром, судебный пристав-исполнитель обоснованно руководствовался ч. 3 ст. 68 Закона об исполнительном производстве, принимая во внимание возможность поступления денежных средств на счета управляющей компании по указанному договору.

Определение N 301-ЭС15-6372

10. При рассмотрении заявления о признании и приведении в исполнение решения третейского суда, вынесенного против лица, в отношении которого на момент рассмотрения заявления было возбуждено дело о банкротстве, суды должны исследовать вопрос о том, не влечет ли признание решения третейского суда вне рамок конкурсного производства необоснованное удовлетворение требований одного из кредиторов и нарушение прав и законных интересов других кредиторов.

Конкурсный кредитор обратился с кассационной жалобой на определение суда первой инстанции, удовлетворившее заявление компании о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения, принятого после возбуждения дела о банкротстве, на основании которого в рамках дела о банкротстве требования компании включены в реестр требований кредиторов общества.

Суд кассационной инстанции оставил определение суда первой инстанции без изменения.

Постановлением Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации указанные судебные акты были отменены, дело передано на новое рассмотрение в связи с тем, что судами нарушены принципы состязательности и равноправия сторон. Конкурсный кредитор, не являющийся ни стороной договора между компанией и обществом, ни стороной третейского разбирательства, фактически был лишен возможности совершения процессуальных действий при рассмотрении спора в суде первой инстанции, в частности заявления ходатайства о проведении судебной экспертизы по проверке подлинности решения третейского суда либо иного документа, истребования документов у сторон третейского разбирательства, истребования документов, подтверждающих легитимность третейского суда "ad hoc".

При новом рассмотрении дела заявленные требования компании о признании и приведении в исполнение решения третейского суда удовлетворены. При этом суд отказал в рассмотрении заявления о фальсификации доказательств, в том числе и по основаниям, установленным ч. 5 ст. 159 АПК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты судов нижестоящих инстанций и отправила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 244 АПК РФ, ч. 2 ст. 5 Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года, п. 2 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений N 156, утвержденного Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 26 февраля 2013 г., суд отказывает в признании и приведении в исполнение решения иностранного арбитража полностью или в части в случае, если исполнение решения иностранного арбитража противоречило бы публичному порядку Российской Федерации.

Защита охраняемых законом интересов третьих лиц, в том числе в отношениях с неплатежеспособным должником, важная функция правосудия, являющаяся элементом публичного порядка государства.

Следовательно, при рассмотрении заявления о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения вопрос о защите интересов третьих лиц подлежит судебному контролю как элемент публичного порядка государства исполнения.

Защита интересов конкурсных кредиторов - третьих лиц в процессе признания и принудительного исполнения иностранного арбитражного решения осуществляется с учетом принципов и норм законодательства о несостоятельности.

В соответствии с пп. 28, 34 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. N 35 "О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве", п. 3 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов N 96, утвержденного Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 22 декабря 2005 г., введение процедур банкротства (наблюдение, конкурсное производство, финансовое оздоровление или внешнее управление) в целях защиты публичных интересов и имущественных интересов третьих лиц - кредиторов должника, находящегося в банкротстве, влечет наступление предусмотренных законом последствий (в том числе, возможность предъявления требований кредиторов к должнику по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей только с соблюдением установленного законом порядка; приостановление производств по делам, связанным с взысканием с должника денежных средств; приостановление исполнения исполнительных документов по имущественным взысканиям и др.); лицу, подавшему исковое заявление о взыскании с должника долга по денежным обязательствам или обязательным платежам до даты введения процедуры наблюдения, предоставляется возможность либо остаться в рамках процесса по признанию и приведению в исполнение решения третейского суда, либо обратиться в суд, рассматривающий дело о банкротстве.

Однако на возникновение публично-правовых последствий отношений процессуальное волеизъявление такого лица не влияет: исполнительный лист в ходе упомянутых процедур

банкротства по такому отдельному делу не выдается в силу запрета на осуществление по подобным требованиям исполнительного производства в процедурах наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления и в целях обеспечения баланса прав всех кредиторов должника.

Рассматривая заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, вынесенного против лица, в отношении которого на момент рассмотрения заявления было возбуждено дело о банкротстве, суды должны были исследовать вопрос о том, не влечет ли легализация решения третейского суда вне рамок конкурсного производства необоснованное удовлетворение требований одного из кредиторов и, как следствие, нарушение прав и законных интересов других кредиторов.

Исходя из указанных выше принципов и принимая во внимание, что дела о банкротстве направлены в том числе на защиту публичного порядка, равно как и интересов кредиторов должника, последние вправе оспаривать судебные акты, на которых основано заявленное в деле о банкротстве требование.

Доказывая нелегитимность решения третейского суда, конкурсному кредитору достаточно представить суду доказательства "prima facie", подтвердив существенность сомнений в наличии долга, поскольку в противном случае на него налагалось бы бремя доказывания отрицательных фактов, что недопустимо с точки зрения поддержания баланса процессуальных прав и гарантий их обеспечения.

При этом другая сторона, настаивавшая на наличии долга, как участник третейского разбирательства должна представлять доказательства, подтверждающие факты его проведения и действительность решения третейского суда.

Определение N 305-КГ15-5805

Разрешение споров, возникающих из публичных правоотношений

11. Субсидия, полученная налогоплательщиком из бюджета субъекта Российской Федерации, источником финансового обеспечения которой являлись в том числе и целевые межбюджетные трансферты, предоставленные из федерального бюджета, не может рассматриваться как субсидия, предоставленная из федерального бюджета. Получение указанных бюджетных средств не влечет налоговые последствия, предусмотренные подп. 6 п. 3 ст. 170 НК РФ.

В соответствии с постановлением администрации субъекта Российской Федерации обществу в рамках ведомственной целевой программы поддержки сельскохозяйственных производителей выделена субсидия на возмещение затрат, связанных с оплатой приобретенных им товаров (работ, услуг).

По результатам выездной налоговой проверки налоговой инспекцией принято решение об отказе в привлечении общества к ответственности за совершение налогового правонарушения, уменьшении налога на добавленную стоимость, излишне заявленного к возмещению, начислении пени за несвоевременную уплату налога на добавленную стоимость.

Основанием доначисления указанных сумм налога послужил вывод инспекции о нарушении обществом требований подп. 6 п. 3 ст. 170 Налогового кодекса Российской Федерации (далее - НК РФ) в связи с тем, что налогоплательщик при получении субсидий из бюджета субъекта Российской Федерации на возмещение затрат, связанных с оплатой приобретенных товаров (работ, услуг), не восстановил налог, ранее принятый заявителем к вычету. При этом налоговым органом сделан вывод, что указанные субсидии предоставлены налогоплательщику из федерального бюджета и включали в себя суммы налога на добавленную стоимость.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налоговой инспекции недействительным в части уменьшения налога на добавленную стоимость, заявленного к возмещению, и начисления пени.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении требований общества отказано.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суды квалифицировали полученные обществом средства в качестве средств федерального бюджета и указали, что субсидии на возмещение части затрат, связанных с оплатой приобретенных заявителем товаров (работ, услуг), включали в себя в том числе затраты по налогу на добавленную стоимость, следовательно, их получение в силу положений [пп. 6 п. 3 ст. 170 НК РФ](#) влечет обязанность по восстановлению ранее принятого к вычету налога на добавленную стоимость.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты, удовлетворила заявление общества и признала недействительным решение налогового органа по следующим основаниям.

Из положений подп. 6 п. 3 ст. 170 НК РФ следует, что в случае если субсидии выделены из иных бюджетов бюджетной системы Российской Федерации на возмещение указанных затрат, то в отношении таких субсидий данная норма не применяется.

Согласно постановлению администрации Брянской области от 30 декабря 2011 г. N 1308 формирование средств на реализацию целевой программы в общей сумме производилось из трех источников: из собственных источников бюджета субъекта Российской Федерации; внебюджетных источников; иных источников (в том числе средств федерального бюджета).

Постановлениями Правительства Российской Федерации от 14 июля 2007 г. N 446 "О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008 - 2012 годы", от 17 декабря 2010 г. N 1042 "Об утверждении Правил распределения и предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку экономически значимых региональных программ развития сельского хозяйства субъектов Российской Федерации" предусмотрено предоставление федеральных субсидий на поддержку сельского хозяйства субъектам Российской Федерации.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2012 г. N 2147-р утверждено распределение субсидий, предоставляемых из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на софинансирование расходных обязательств субъектов Российской Федерации, связанных с поддержкой экономически значимых региональных программ развития сельского хозяйства субъектов Российской Федерации.

В соответствии с п. 2 ст. 40 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее - БК РФ) денежные средства считаются поступившими в доходы соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации с момента их зачисления на единый счет этого бюджета.

Пунктами 1 и 4 ст. 41 БК РФ предусмотрено формирование бюджета субъекта Российской Федерации из различных источников - налоговых и неналоговых поступлений, безвозмездных поступлений. Полученные из федерального бюджета субсидии являются одним из видов доходов бюджета субъекта Российской Федерации.

Таким образом, поступившие из федерального бюджета денежные средства в виде субсидий на поддержку производителей сельскохозяйственных товаров становятся собственными доходами бюджета субъекта Российской Федерации, имеющими целевое назначение.

Следовательно, субсидия, полученная налогоплательщиком из бюджета субъекта Российской Федерации, источником финансового обеспечения которой являлись в том числе и целевые межбюджетные трансферты, предоставленные из федерального бюджета, не может рассматриваться как субсидия, предоставленная из федерального бюджета. Получение же указанных бюджетных средств не влечет налоговые последствия, предусмотренные подп. 6 п. 3 ст. 170 НК РФ.

С учетом изложенного оснований для вынесения налоговым органом решения в оспариваемой части не имелось.

Определение N 310-КГ15-8772

12. Обеспечение жилыми помещениями инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов, вставших на учет после 1 января 2005 г., подлежит финансированию за счет субъектов Российской Федерации.

Во исполнение решения районного суда общей юрисдикции администрация

муниципального образования предоставила гражданину, имеющему ребенка-инвалида, во внеочередном порядке благоустроенное жилое помещение по договору социального найма.

Ссылаясь на то, что данная квартира выбыла из собственности муниципального образования, что повлекло причинение имущественных убытков в размере рыночной стоимости имущества, администрация муниципального образования обратилась в суд с иском о взыскании с Российской Федерации убытков, понесенных в связи с исполнением судебного акта.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены.

Удовлетворяя иск, суды исходили из того, что действующее законодательство не содержит порядка финансирования полномочий, направленных на обеспечение жилыми помещениями инвалидов, нуждающихся в улучшении жилищных условий, вставших на учет после 1 января 2005 г. Однако указанное обстоятельство не может служить основанием для отказа в выполнении государством взятых на себя публично-правовых обязательств.

Учитывая, что право граждан на получение бесплатного жилья установлено федеральным законом, судами сделан вывод о том, что расходные обязательства по предоставлению жилых помещений нуждающимся возникают именно у Российской Федерации. Понесенные администрацией убытки подлежат компенсации за счет средств федерального бюджета.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и отказала администрации муниципального образования в удовлетворении иска по следующим основаниям.

В соответствии с п. "ж" ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации вопросы социальной поддержки населения отнесены к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

В силу подп. 24 ч. 2 ст. 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. N 184-ФЗ "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств субъекта Российской Федерации (за исключением субвенций из федерального бюджета), относится решение вопросов, в том числе социальной поддержки и социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов.

Осуществление указанных полномочий может дополнительно финансироваться за счет средств федерального бюджета и государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, в том числе и в соответствии с федеральными целевыми программами, но исключительно в порядке и в случаях, предусмотренных федеральными законами.

Согласно преамбуле Федерального закона от 24 ноября 1995 г. N 181-ФЗ "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации" (далее - Закон о социальной защите инвалидов) предусмотренные им меры социальной защиты инвалидов являются расходными обязательствами Российской Федерации, за исключением мер социальной поддержки и социального обслуживания, относящихся к полномочиям государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Статьей 17 Закона о социальной защите инвалидов предусмотрено, что инвалиды и семьи, имеющие детей-инвалидов, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, принимаются на учет и обеспечиваются жилыми помещениями в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации.

Инвалиды и семьи, имеющие детей-инвалидов, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, вставшие на учет после 1 января 2005 г., обеспечиваются жилым помещением в соответствии с жилищным законодательством Российской Федерации (ч. 3 ст. 17 Закона о социальной защите инвалидов).

Положениями Федерального закона от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" (ст. 14, 50) (далее - Закон N 131-ФЗ), а также положениями Жилищного кодекса Российской Федерации (ст. 14, 19) (далее - ЖК РФ) предусмотрено осуществление органами местного самоуправления полномочий по учету граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, предоставление таким гражданам в

установленном порядке жилых помещений по договорам социального найма из муниципального жилищного фонда.

При этом в целях реализации органами местного самоуправления полномочий по решению вопросов местного значения федеральный законодатель предусмотрел, в частности, предоставление межбюджетных трансфертов из бюджетов субъектов Российской Федерации в форме дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений и дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных районов (городских округов) (ст. 135 - 138 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее - БК РФ, п. 5 ч. 1 ст. 55, ст. 60 и 61 Закона N 131-ФЗ).

Содержащееся в п. 3 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ условие о предоставлении гражданам жилых помещений вне очереди, если такие граждане страдают тяжелыми видами хронических заболеваний (п. 4 ч. 1 ст. 51 ЖК РФ), закрепляет только особенность реализации жилищных прав и не возлагает какие-либо дополнительные обязанности на органы местного самоуправления.

В силу ч. 3 ст. 52 ЖК РФ принятие на учет граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях осуществляется органом местного самоуправления.

Гражданам, состоящим на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, жилые помещения по договорам социального найма предоставляются на основании решений органов местного самоуправления (ч. 3 ст. 57 ЖК РФ).

Следовательно, обеспечение жилыми помещениями инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов, вставших на учет после 1 января 2005 г., подлежит финансированию за счет субъектов Российской Федерации.

Отнесение судами этих расходов к расходным обязательствам Российской Федерации прямо противоречит ст. 84 БК РФ.

Довод судов о невыделении администрации финансирования из федерального бюджета является несостоятельным, поскольку администрация не является непосредственным получателем средств из федерального бюджета.

От субъекта Российской Федерации не поступало претензий относительно недостаточности субвенций из федерального бюджета.

Администрация не обращалась к субъекту Российской Федерации за получением дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципального образования.

Определение N 309-ЭС15-9501